

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Кондратий Федорович Рылеев был виднейшим деятелем Северного тайного общества и, вместе с тем, самым значительным из поэтов-декабристов¹. Творчество Рылеева полностью было подчинено требованиям революционной борьбы двадцатых годов.

На большое значение литературной деятельности Рылеева для освободительной борьбы того времени указывали уже ближайшие продолжатели дела декабристов. Н. П. Огарев своим предисловием к «Думам К. Рылеева» (изд. Герцена. Лондон, 1860) положил начало изучению наследия поэта-декабриста. Именно Огареву принадлежала первая характеристика литературной деятельности Рылеева, первый историко-литературный портрет его как поэта. «Рылеев, — читаем мы в предисловии Огарева, — был поэтом общественной жизни своего времени. Хотя он и сказал о себе: „Я не поэт, а гражданин“, но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувство правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию». Прямой наследник декабристов, Огарев справедливо признавал «Думы» Рылеева «историческим памятником, которому не должно исчезнуть, памятником геройского времени русской жизни»².

Реакционные литературоведы конца XIX и начала XX в. сделали все, чтобы извратить героический облик поэта-революционера. Начало такому извращению положил Д. А. Кропотков, который изображал Рылеева человеком вполне примирительно относившимся к самодержавию и лишь «запутавшимся»³. Огарев сурово отзывался об этих «клеветах», распространенных каким-то «штукарем» в «катковско-леонтьевском» «Русском вестнике»⁴; однако клевета распространилась далее и проникла в биографические и историко-литературные работы о виднейшем поэте-декабристе. Так, А. Н. Сиротинин грубо фальсифицировал биографию Рылеева, доказывая, будто Рылеев был вовлечен в Тайное общество вопреки якобы присущим ему верноподданническим убеждениям. Старательно приглушая прогрессивное содержание поэзии Рылеева и, в частности, в высшей степени пренебрежительно отзываясь о его агитационно-сатирических песнях, Сиротинин в то же время восхищался «раскаянием» Рылеева после ареста и его стихотворениями 1826 г.; по мнению Сиротинина, они содержали в себе религиозное отречение от «земной суеты»⁵.

Вслед за этой ультраконсервативной работой о Рылееве в 1908 г. появилась выдержанная в умеренно-либеральном духе книга Н. А. Котляревского. Он так же, как и Сиротинин, преуменьшал значение революционной деятельности декабристов. Котляревский утверждал, будто 14 декабря 1825 г., если и «должно войти в общую историю революционного движения в России, то только как самостоятельный, в себе замкнутый эпизод, не имевший аналогий в прошлом и связанный с последующим ростом революционных идей лишь слабой общей связью». Для либерала, каким являлся Котляревский, декабризм был только «вспышкой», ничем не связанной с реальной русской действительностью. По утверждению Котляревского, декабристы «учились не у жизни, а у Плутарха».

Рассматривая движение декабристов всего лишь как «трагедию мечты», Котляревский, естественно, должен был принизить, преуменьшить и политическую роль

Рылеева; он находил в вожде Северного общества «больше темперамента, чем политического глубокомыслия». Котляревский наделял «природную организацию» Рылеева «пассивной созерцательностью», «тихой работой мысли» и т. д. Сатира «К временщику», стихи «На смерть Чернова» и другие произведения Рылеева рассматривались Котляревским вне какой-либо связи с политическим движением двадцатых годов.

Котляревский отказывал произведениям Рылеева в художественных достоинствах. «...Везде и всегда в этих стихах,— утверждал он,— чувствовался недостаток поэзии, и ни одно из стихотворений не может быть названо художественно законченным или совершенным». Пренебрегая многочисленными свидетельствами современников поэта, Котляревский утверждал, что поэзия Рылеева не оказала сколько-нибудь значительного воздействия на русских читателей. «Число этих гражданских лирических стихотворений <...> очень ограничено и из них своевременно в печать попало лишь самое ничтожное количество. Вот почему говорить о влиянии этой лирики на умы современников в широком смысле этого слова едва ли возможно»⁶.

Это суждение было весьма характерно для трусливого либерала, не представлявшего себе никакой печати, кроме «легальной»⁷. Оно находилось в непримиримом противоречии с исторической правдой: как известно, революционное слово в то время громко звучало помимо печати, расходясь по России в сотнях нелегальных списков. Припомним полные иронии слова Пушкина в его «Послании к цензору» (1822):

Радищев, рабства враг, цензуры избегал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали.

Стремление изобразить Рылеева либералом нашло выражение и в некоторых работах позднейшего периода, например, в пространной статье Н. О. Лернера, напечатанной в 1918 г. в «Русском биографическом словаре». Лернер называл сатиру Рылеева «К временщику» «дерзкой и резкой выходкой», «Думы» определял всего лишь как «ряд исторических картин в стихах, исполненных в духе умеренного либерализма, лишенных всякого протеста и проникнутых довольно скромной и невинной гражданской моралью». Лернер вновь повторял лживое сообщение Смирновой, будто бы Николай I не знал, что Рылеев был поэтом, и жалел, что не оставил его в живых. Подобно другим, Лернер клеветал на Рылеева, утверждая, что у него не было ни «определенной политической программы», ни «разумной революционной тактики»⁸.

Киевский ученый В. И. Маслов выпустил в 1912 г. фундаментальное исследование «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Творческое развитие поэта было здесь впервые поставлено в связь с развитием русской литературы десятых — двадцатых годов. Наибольших успехов достиг В. И. Маслов в установлении литературных источников рылеевских произведений. Однако и этому исследователю не удалось отчетливо охарактеризовать политическую сущность литературной деятельности Рылеева. Исследователь не сумел показать, как от первоначальных подражаний Батюшкову Рылеев обратился к сатире на Аракчеева, не объяснил, что именно толкало Рылеева на путь политической агитации. Так же изолированно были исследованы Масловым и позднейшие произведения Рылеева: «Думы», «Войнаровский» и др. Подобно Котляревскому, Маслов не сумел оценить идейно-художественные достоинства агитационно-сатирических песен Рылеева и Бестужева.

И после того, как книга Маслова была им дополнена⁹, в ней все еще оставались неразрешенными такие важнейшие проблемы, как, например, связь творчества молодого Рылеева с идеями Союза Благоденствия и Северного тайного общества. Об этом Маслов просто умалчивал, обходя, тем самым, наиболее существенные вопросы политического развития поэта-декабриста. Собрав большой и ценный материал для изучения жизни и деятельности Рылеева, Маслов оказался не в силах создать научную биографию поэта.

После Великой Октябрьской социалистической революции в изучении литературы, созданной декабристами, произошли коренные изменения. До революции читатели нашей страны были знакомы далеко не со всеми произведениями Рылеева, Кюхельбе-

кера и Бестужева; собрания их сочинений изобиловали бесчисленным множеством самых варварских купюр и искажений; купюры эти производились не только реакционными цензорами царской России, но и либеральными издателями.

Лишь в послереволюционное время, в 1934 г., вышли в свет два полные собрания произведений Рыльева: его стихотворения изданы были в серии «Библиотека поэта» под редакцией Ю. Г. Оксмана, его сочинения (со включением прозы и писем)—в издании «Academia» под редакцией А. Г. Цейтлина. В этих изданиях было впервые собрано и научно прокомментировано все, что к тому времени было известно из творческого наследия поэта-декабриста.

Появление изданий сочинений Рыльева вызвало усиленную разработку проблем его творчества. Особенно много сделали в этом направлении Ю. Г. Оксман, Н. И. Мордовченко, В. А. Гофман. Над изучением творчества Рыльева работал К. В. Пигарев, а также автор этих строк. Следует признать, что в изучении жизни и деятельности Рыльева допущено было немало серьезных ошибок. Исследователи Рыльева недостаточно тесно связывали его произведения с той русской действительностью, которая породила все его творчество, и склонны были преувеличивать политические колебания поэта.

Однако в процессе работы советским исследователям жизни и деятельности Рыльева удалось преодолеть формализм, вульгарную социологию и порочную методологию «школы Покровского». Отметая влияние антимарксистских учений, исследователи сумели показать национальную самобытность поэзии Рыльева, ее характерные для революционеров двадцатых годов идейно-художественные тенденции.

Успехи в этой области тесно связаны с работой советских историков. Чем пристальнее изучается история Северного тайного общества, тем яснее выступает революционная роль Рыльева в этой организации. Разрывая со старым представлением о Рылееве как о послушном ученике Муравьева, а позднее Пестеля, советская наука изучает Рыльева как одного из самых выдающихся руководителей движения декабристов. Революционный романтизм Рыльева советская наука рассматривает как своеобразную форму отражения противоречий русской действительности. Рылеев не отгораживался от жизни, как это было свойственно консервативным романтикам школы Жуковского, а вел энергичную борьбу за то, чтобы изменить действительность. Сатира на Аракчеева и ода на смерть Байрона, «Думы», «Войнаровский» и «Наливайко» заключали в себе революционное решение острых и злободневных проблем современной Рылееву русской жизни и прежде всего призыв к борьбе за низвержение самодержавно-крепостнического строя.

Для Вяземского, Давыдова, Дельвига, Баратынского характерен был процесс раннего и интенсивного творческого созревания. Эти поэты уже в юности вышли на широкую арену литературной жизни, создав значительные художественные ценности. Не так обстояло дело с Рылеевым, до двадцатипятилетнего возраста не создавшим ничего сколько-нибудь выдающегося. По его произведениям 1813—1819 гг. никак нельзя еще предугадать того бурного роста, который начался в 1820 г. и не прекращался до декабрьского восстания.

Только в 1820 г. наметилась основная, ведущая тема творчества Рыльева. Однако поэт продолжал искать все новые и новые формы выражения этой темы. Он продолжал неустанно развиваться. Творческую самостоятельность Рыльева метко охарактеризовал Пушкин. В январском письме 1824 г. к А. А. Бестужеву Пушкин отметил, что «Рыльева „Войнаровский“ несравненно лучше всех его „Дум“, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет». В черновике того же письма сказано было еще решительнее: «Рыльева „Войнаровский“ несравненно лучше всего, что он написал...». В марте 1825 г. Пушкин спрашивал А. А. Бестужева: «Откуда ты взял, что я льщу Рылеву? — Мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Иду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более». В февральском письме Пушкина к брату (1825) читаем: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства

на Парнасе. Я министр иностранных дел и, кажется, дело до меня не касается. Если „Палей“ пойдет как начат, Рылеев будет министром».

Похвалы Пушкина были Рылеевым вполне заслужены: его путь от ранних произведений (как, например, сатира «К временщику») к более поздним (как, например, поэма «Палей») был путем непрерывного и стремительного движения вперед. Сам Рылеев говорил: «я хочу прочной славы, не даром, но за дело»¹⁰. Он неустанно трудился, верно служа интересам русской литературы.

Творчество Рылеева не отличалось разнообразием жанров. Прозу Рылеев писал в начале двадцатых годов, опубликовав в печати далеко не все свои прозаические опыты. Дважды Рылеев обращался к драматургии, не дописав, однако, начатой им драмы о Мазепе и оставив после себя только начало трагедии о Богдане Хмельницком (то и другое опубликовано им не было). Рылеев-поэт почти целиком отдал себя лирике и эпической поэзии.

Лейтмотив рылеевского творчества отражал одну из важных тенденций политической жизни того времени. Рылеев родился в 1795 г., вскоре после того, как в истории Европы началась, по характеристике В. И. Ленина, новая «большая историческая эпоха». Это была «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных — в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹¹. Передовые люди 1810—1820-х годов, и, в первую очередь, члены тайных обществ, боролись против господствовавшего в России самодержавно-крепостнического строя.

Сила Рылеева как революционного поэта заключалась прежде всего в том, что он сумел отразить декабристскую идею борьбы за «свободу» против «самовластия» и «деспотизма».

По своей политической целеустремленности автор «Дум» и «Войнаровского» был одним из самых выдающихся поэтов пушкинской поры. О Рылееве можно было бы сказать словами Лермонтова, что он

...знал одной лишь думы власть—
Одну, но пламенную страсть...

Защита нации, угнетенной «тиранами», — главная тема Рылеева-поэта. Неуклонное раскрытие этой темы придавало творческому росту Рылеева большую стремительность. В то время как дарование Федора Глинки вполне определилось еще до 1820 г., а талант Александра Одоевского вполне развился только после 1825 г., литературная деятельность Рылеева обняла собою весь период подъема декабристского движения — с осени 1820 г. до зимы 1825 г. В пределах этого краткого, но чрезвычайно насыщенного исторического периода и происходил творческий рост Рылеева как поэта. Его с неизмеримо большим правом, чем других, можно назвать певцом «героического периода» движения декабристов.

В гораздо большей степени, чем кто-либо другой из поэтов-декабристов, Рылеев способствовал формированию политического сознания прогрессивно и революционно настроенных читателей. Чтение «Дум» Рылеева в предгрозовой обстановке 1825 г. приводило прогрессивно настроенную молодежь к мысли «покончить с этим правительством», с властью «русских самодержцев»¹². По свидетельству Огарева, поколение, к которому он принадлежал, знакомилось с творчеством декабристских поэтов еще в отроческом возрасте: и до 14 декабря, и вскоре после поражения декабристов «тетради ходили в списках по рукам». В этих тетрадях переписаны были стихи участников тайных обществ, и Рылеева в первую очередь. В своем стихотворении «Памяти Рылеева» Огарев писал:

Рылеев был мне первым светом...
Отец по духу мне родной!
Твое название в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

Герцен познакомился с поэзией Рыльева тоже в отроческие годы — учитель русской словесности носил к нему «мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов», которые ученик «переписывал тайком»¹³. Герцен с Огаревым не были в этом отношении исключением: на всем протяжении двадцатых годов «революционные стихотворения Рыльева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Не было ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей сумке, ни одного попковского сына, который не снял бы с них дюжину копий <...> целое поколение пережило влияние горячей юношеской пропаганды»¹⁴. Герцен считал Рыльева как одного из самых «сильных бойцов за волю» и «мучеников своих убеждений»¹⁵. *«Поэт-гражданин»*, — писал о Рылееве Герцен в последние годы жизни, — он был тем и другим в каждой своей поэме, в каждой строфе, в каждом стихе. Все проникнуто чувством самопожертвования, безграничной любви и пламенной ненависти»¹⁶.

Революционная поэзия Рыльева оказывала воспитательное влияние и на деятелей русского освободительного движения, выступивших в более поздние периоды, например на В. И. Засулич. «Исповедь Наливайки, — писала она в своих воспоминаниях, — стала одной из главных моих святынь»¹⁷.

Имя Рыльева пользовалось признанием и в семье И. Н. Ульянова. Когда И. Н. Ульянов во время «прогулок по полям» запевал запрещенное стихотворение Рыльева «По духу братья мы с тобой», дети «чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде „святая святых“...»¹⁸. Стихотворение это только приписывалось Рылеву — в действительности его автором был А. Н. Плещеев (см. настоящий том, стр. 285—288). Однако характерно, что в семье Ульяновых оно бытовало как рылеевское. Именно в эту пору еще мальчиком с запрещенным творчеством Рыльева познакомился и В. И. Ленин. В 1902 г. в книге «Что делать?» Ленин говорил о накопившемся у него чувстве «горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью „позорят революционера сам“...»¹⁹. Так перефразированный стих одного из программных произведений Рыльева послужил Ленину в политической борьбе большевистской партии.

II

Самому Рылеву удалось опубликовать только часть того, что было им написано. При его жизни в легальной русской печати появились лишь сатира «К временщику», послания к Н. И. Гнедичу и В. Н. Столыпиной, ода «Видение» и «Стансы», сборник дум, поэма «Войнаровский», а также некоторые отрывки из неоконченных поэм.

Первая крупная по своему значению посмертная публикация произведений Рыльева была осуществлена за границей Герценом и Огаревым: в сборниках «Полярная звезда» на 1856 и 1859 годы появились «На смерть Чернова» (это стихотворение в ту пору еще приписывали В. К. Кюхельбекеру), «Гражданин» («Я ль буду в роковое время...»), а также цикл агитационно-сатирических песен Рыльева — «Ах, где те острова», «Царь наш, немец русский», «Ах тошно мне...» и «Уж как шел кузнец...».

В шестидесятые годы в России эпизодически появлялись публикации второстепенных текстов Рыльева: в «Библиографических записках» были напечатаны стихотворения «Поверь, я знаю уж, Дорида» и «Когда душа изнемогала»; в «Русском слове» — несколько элегий. В 1870—1872 гг. П. А. Ефремов опубликовал на страницах журнала «Русская старина» думы «Голова Волинского» («Видение императрицы Анны»), «Владимир Святой», «Яков Долгорукий», отрывки из дум «Марфа Посадница», «Меньшиков в Березове», «Миних», послания А. А. Бестужеву («Ты разленился уж нехстати...» и «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...»), «Нечаянное счастье», эпиграммы и пр. Такова была вторая из посмертных публикаций произведений Рыльева.

В 1888 г. В. Е. Якушкин напечатал в «Вестнике Европы» стихотворение «Ты посетишь, мой друг, желала...», сатиру «Путь к счастью», неоконченную думу «Вадим», а также несколько отрывков из поэмы «Наливайко».

Четвертая большая публикация появилась в 1912 г.: в приложениях к своей книге «Литературная деятельность К. Ф. Рыльева» В. И. Маслов напечатал 49 ранних стихотворений поэта (в том числе «Путешествие на Парнас»), «Письма из Парижа» и прозаические отрывки.

Пятую из посмертных публикаций осуществил в 1934 г. Ю. Г. Оксман, который в собрании стихотворений Рыльева, вышедшем в «Библиотеке поэта», с возможной в те годы полнотой восстановил весь состав политической лирики Рыльева, дал наиболее точный текст его од, элегий, агитационных песен и поэм — «Войнаровский», «Наливайко», «Гайдамак», «Палей» и «Партизаны».

С выходом в свет этого издания, в котором были впервые учтены все рылеевские автографы, хранящиеся в архивах, и заново датированы все произведения Рыльева, литературное наследие крупнейшего из поэтов-декабристов, казалось бы, могло считаться собранным.

Однако исследователям предстояло обнаружить еще одну значительную часть рылеевского архива, а именно — рукописи, принадлежавшие А. А. Ивановскому. Известно, что этот чиновник Следственной комиссии, учрежденной по делу декабристов, питал отнюдь не бескорыстный интерес к литературе. Знакомясь с бумагами арестованных декабристов, он присвоил некоторые ценные автографы. Кое-что из этих бумаг Ивановский напечатал: в выпущенном им в 1828 г. альманахе «Альбом северных муз» им была, например, опубликована ода Рыльева «На смерть Байрона», разумеется, без упоминания фамилии автора. Исследователи жизни и творчества Рыльева упорно стремились разыскать собрание Ивановского. Задача была тем более трудна, что коллекция автографов разошлась по рукам. Маслов в своей монографии сообщал: «...покидая в 1839 г. службу, Ивановский сохранил у себя небольшое собрание документов, интересных для него как автографы знакомых ему писателей; здесь были собраны главным образом бумаги, принадлежащие декабристам»²⁰.

Более подробное сообщение о судьбе этих бумаг сделал в 1934 г. редактор полного собрания стихотворений Рыльева Ю. Г. Оксман, указавший, что все взятые рукописные материалы Ивановский держал под спудом два десятка лет и только перед смертью передал их помещику А. А. Шахматову. В саратовском имении Шахматова эти документы оставались до 1888 г., когда дочь помещика передала найденную ею случайно в отцовской библиотеке связку рылеевских бумаг В. Е. Якушкину, опубликовавшему, наконец, этот материал в «Вестнике Европы» (1888, №№ 11 и 12) и в «Русской старине» (1888, №№ 10—12 и 1889, № 2). Эта часть архива Рыльева, получившая название «Собрания А. А. Ивановского», поступила после Великой Октябрьской социалистической революции в Институт русской литературы (многочисленные фрагменты поэмы «Наливайко», наброски нескольких неоконченных дум и трагедии «Мазепа», послание «Ты посетишь, мой друг, желала...», сатира «Путь к счастью», планы поэм, прозаических произведений и пр.). К этому же фонду принадлежал ранее тот автограф Рыльева (фрагмент перевода баллады Мицкевича), который в 1925 г. подарен был Е. Е. Якушкиным Музею революции СССР.

Как выясняется теперь, в этот же фонд входила раньше еще одна и гораздо большая по объему часть архива Рыльева. Мы имеем в виду бумаги, хранящиеся в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в фонде Якушкиных. Есть все основания считать их последней, оставшейся до сих пор не известной частью фонда А. А. Ивановского. Она состоит из тех бумаг, которые были взяты флигель-адъютантом Дурново при аресте Рыльева, вечером 14 декабря, и доставлены в Следственную комиссию. После казни Рыльева бумаги эти должны были быть возвращены его вдове (см. об этом подробнее ниже, в сообщении «Имущественные дела Рыльева во время его пребывания в Петропавловской крепости»), однако то обстоятельство, что они не были описаны, и дало возможность Ивановскому,

чиновнику Следственной комиссии, а затем III Отделения, присвоить многие из автографов Рыльева. Пребывание этих автографов в руках Ивановского подтверждается и документально²¹.

В черновике предисловия к публикации 1888 г. (оно сохранилось в Центральном государственном историческом архиве) В. Е. Якушкин писал: «В наших бумагах находится еще несколько черновых набросков, доселе неизвестных, но по их отрывочности и незаконченности я не привожу их»²². Это заявление было им сделано и в печати: «Другие отрывки, черновые наброски, сохранившиеся в бумагах, весьма отрывочны и не отделаны, потому не представляют никакого интереса и не могут иметь значения для литературной биографии поэта»²³.

Если бумаги Ивановского уже находились в ту пору в распоряжении Якушкина, это его утверждение должно быть, конечно, признано неверным²⁴. Но весьма возможно, что публикуемые нами рукописи Рыльева поступили к В. Е. Якушкину значительно позднее и он не успел обнаружить их (В. Е. Якушкин умер в 1912 г.).

Заметим в заключение, что автографы из фонда Ивановского долго хранились в ЦГИА в неразобранном виде. Они были описаны лишь в декабре 1950 г. Редакторам обоих собраний сочинений Рыльева, вышедших в свет в 1934 г., автографы эти остались неизвестными.

Уже одни рылеевские автографы из «собрания» Ивановского представляли бы, конечно, выдающийся интерес для читателей. Однако настоящая публикация «Литературного наследства» включает в себя документы не только этого собрания. Мы получили возможность присоединить к рылеевским автографам ЦГИА также многие материалы, хранящиеся в Москве: в Центральном государственном литературном архиве, Центральном государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики России, Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; в Ленинграде — в Отделе рукописей Института русской литературы, в филиале Центрального государственного исторического архива и в филиале Центрального государственного военно-исторического архива, а также в некоторых частных собраниях.

В результате обследования перечисленных здесь фондов и составила настоящая, шестая по счету, публикация текстов Рыльева, которая не только не уступает в своей ценности предыдущим, но в некоторых отношениях и превосходит их.

Публикация «Литературного наследства» содержит новый материал для изучения всех жанров рылеевского творчества — поэзии сатирической и лирической, дум, поэм, агитационных песен и драматургии.

Новые тексты Рыльева открываются отделом, содержащим предисловие к «Думам» и тексты некоторых дум. В течение многих десятилетий оставалась неизвестной первая, доцензурная редакция этого предисловия, выдержанная Рылеевым в революционно-просветительском духе. По откровенному признанию автора, предисловие написано было им для того, чтобы «пролить в народ хотя бы каплю света»; оно яростно избличало «деспотизм» и потому, разумеется, не могло пройти сквозь цензуру двадцатых годов. Оно превосходно характеризует идейный облик Рыльева в 1824 г., последовательный и быстрый переход поэта на республиканские позиции. Вслед за предисловием публикуются черновые варианты дум «Рогнеда», «Владимир Святой» и «Марфа Посадница», существенно дополняющие историю текста этих произведений. Особенно интересны строфы, изъятые из первопечатного текста цензурой; заключительная строфа думы «Ольга при могиле Игоря» содержит резкие выпады против «несправедливости власти».

Романтические поэмы Рыльева представлены в публикации «Литературного наследства» новыми отрывками, почерпнутыми из черновых рукописей «Наливайко» и «Войнаровский». Поэме «Войнаровский» посвящена статья Ю. Г. Оксмана, исследующая и характеризующая этапы работы поэта над «Войнаровским», сложную и запутанную историю создания этой поэмы.

Большую ценность представляет отрывок из неизвестной трагедии о Хмельницком. Наши сведения об этой трагедии до сих пор ограничивались сообщением

Ф. Н. Глинка. Рылеев собирался предпринять путешествие по тем местам Украины, где действовал Хмельницкий, но поездка эта не состоялась. Ни одного стиха из этой трагедии до сих пор известно не было. И вот теперь перед нами целая сцена, написанная Рылеевым незадолго до восстания, осенью 1825 г.! Текст этот является началом пролога к исторической трагедии, задуманной поэтом широко и своеобразно. В «Хмельницком» Рылеев раскрыл ту же тему национальной борьбы украинского народа за свое освобождение из-под ига шляхетской Польши, которая легла в основу его неоконченных поэм — «Наливайко», «Палей» и др. Даже этот сравнительно небольшой отрывок трагедии показывает рост реалистических тенденций в творчестве поэта-декабриста. Уже из «Пролога» видно, что трагедии были присущи некоторые черты реализма, проступающие особенно отчетливо в изображении борьбы украинских крестьян, восставших против своих вековых угнетателей — польских панов.

Чрезвычайно важное значение имеет раздел настоящей публикации, посвященный агитационно-сатирическим песням Рылеева и Бестужева. Как известно, эти произведения не получили в дооктябрьском литературоведении сколько-нибудь сочувственной и серьезной оценки. Только в советскую пору в изучении песен Рылеева и Бестужева обозначился резкий перелом. В последнее время внимание советских исследователей к агитационно-сатирическим песням еще более повысилось (см., например, сообщение М. А. Брискиана «Агитационные песни декабристов» в сб. «Декабристы и их время», Л., 1951, и статью автора этих строк «Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева» в «Известиях Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1950, вып. 6). Однако до сегодняшнего дня все еще оставалась неясной история их текста. Изучению этой проблемы и посвящены печатающиеся здесь статьи. В первой из них, касающейся песни «Царь наш, немец русский», Ю. Г. Оксман устанавливает сводный текст этой песни и воссоздает историю позднейших вариантов. В другой статье Ю. Г. Оксман делает важный шаг к установлению точного текста песни «Ах, тошно мне и в родной стороне». Столь же существенным является и сообщение Л. А. Мандрыкиной, которая извлекла из хранящегося в ленинградском филиале Центрального государственного военно-исторического архива следственного дела об обществе Критских агитационно-сатирическую песню «Вдоль Фонтанки реки». Статья Мандрыкиной характеризует, вместе с тем, и отклики на декабристскую поэзию в оппозиционно настроенной среде русских читателей последекабрьской поры.

Лирические произведения Рылеева представлены в новой публикации «Литературного наследства» прежде всего строфой из стихотворения «Стансы», оставшейся до сих пор неизвестной. Исследователи Рылеева чаще всего рассматривали «Стансы» как отражение душевной усталости поэта или как прямое подражание Байрону. Даже в самых авторитетных изданиях сочинений Рылеева «Стансы» печатались в разделе «разных стихотворений», а не «политических посланий», чем косвенно подтверждалось мнение одного из современных Рылееву критиков, будто темой «Стансов» является «тоска о погибшей молодости» («Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198).

Новонайденная строфа полностью опровергает эту ошибочную трактовку. Она свидетельствует о том, что «Стансы» — одно из гражданских стихотворений Рылеева, выражающих возмущение поэта тем «убийственным хладом», какой проявляют к своим политическим «правам» его современники, что от «Стансов» идет прямой путь к «Гражданину». После обнаружения этой чрезвычайно важной строфы стихотворение Рылеева ни в коем случае не должно печататься в прежнем виде.

Разнообразием отличается также раздел ранних произведений Рылеева — юношеских и более поздних, относящихся к первым годам его пребывания в Петербурге. Сюда входят: юношеская ода «Князю Смоленскому», черновой отрывок из сатиры «Путь к счастью», стихотворение в народном духе «Что за девица, прелесть красю...», представляющее собою черновик перевода стихотворения А. Мицкевича, и наброски. Наиболее интересно в этом разделе полемическое

стихотворение «Вотще в различные рядим его одежды» (до нас дошел беловой автограф, подписанный поэтом)*.

Перейдем к материалам, характеризующим жизнь и деятельность поэта и, прежде всего, к его переписке. В полном собрании сочинений Рылеева, вышедшем в 1934 г., были напечатаны все его письма, опубликованные до того времени. С тех пор было разыскано и напечатано еще несколько писем Рылеева. Так, в «Литературном архиве» (т. I. Л., 1938, стр. 422—424) опубликовано совместное письмо Рылеева и А. А. Бестужева к А. Ф. Воейкову. В книге К. В. Пигарева «Жизнь Рылеева» (М., 1947, стр. 137) помещена записка Рылеева к московскому книгоиздателю С. И. Селивановскому. Наконец, в «Литературной газете» (1945, № 41, 29 сентября) В. С. Нечаевой напечатаны два письма Рылеева к П. А. Вяземскому (мы перепечатаваем их здесь, так как они связаны с двумя другими, доселе не известными письмами Рылеева к Вяземскому). Кроме четырех названных писем, опубликованных в период с 1938 по 1945 г., еще два — к К. К. Родофинкину и В. Н. Берху — помещены в недавно вышедшем в свет сборнике Института русской литературы «Декабристы и их время» (Л., 1951).

Эпистолярная часть настоящей публикации состоит из четырнадцати новых писем; из них девять принадлежат самому Рылееву, пять — его корреспондентам. Все они представляют несомненную ценность для характеристики личности Рылеева и его литературной деятельности. Письма к П. А. Вяземскому обогащают наши представления о Рылееве и Бестужеве как о редакторах «Полярной звезды» и, вместе с тем, показывают, что между ними и Вяземским, настроенным в то время оппозиционно, существовали дружеские отношения. Письмо к Булгарину рисует ту среду литературных «промышленников», с которой Рылееву по необходимости приходилось сталкиваться и которую он презирал. Это письмо, краткое и энергичное, принадлежит к числу самых выразительных писем Рылеева. Его обращение в московскую цензуру интересно для истории печатания «Дум». Два письма Рылеева к Д. И. Завалишину дают дополнительный материал для характеристики деятельности Рылеева как руководителя Северного тайного общества. Особенно ценно среди этих автографов большое и задушевное письмо к украинскому поэту Н. А. Маркевичу, написанное Рылевым в октябре 1825 г., за два месяца до восстания.

Письма к Рылееву тоже содержат значительный материал для биографии поэта. Отметим в их числе три письма острогожских сослуживцев Рылеева по конно-артиллерийской роте, письмо декабриста В. П. Романова, а также письмо П. Михайловского, киевского знакомого поэта, освещающее один из драматических эпизодов личной жизни Рылеева — его отношения с «госпожой К.», впоследствии, видимо, оказавшейся шпионкой правительства.

Помимо писем существенны также публикуемые здесь официальные документы. В этом разделе впервые печатаются материалы, относящиеся к тому времени, когда Рылеев состоял на военной службе, причем к совершенно не исследованному периоду этой службы. Таков рапорт Рылеева командиру конно-артиллерийской роты, написанный им в октябре 1816 г. в литовском местечке Росияны. Другой документ этого раздела — составленная Рылевым в 1825 г. записка о Российско-Американской компании, правителем дел которой Рылеев был в 1824—1825 гг. (см. об этом на стр. 167—168).

Как известно, следственные дела декабристов до сего времени опубликованы лишь частично в семи томах издания «Восстание декабристов» (тома I—VI и IX). Материалы этого фундаментального, но далеко не законченного издания оказываются неполными и в отношении показаний Рылеева. Так, до сего времени не опубликованы многие ответы Рылеева на «вопросные пункты» Следственной комиссии, свидетельства на очных ставках с лицами, арестованными по обвинению в участии в восстании 14 декабря. Настала пора опубликовать этот ценнейший материал рылеевских показаний. К ним присоединено все, что говорилось о Рылееве на следствии другими де-

* Стихи, публикуемые впервые, печатаются корпусом; цитаты из опубликованных произведений — левитом.

кабристами. Эти показания образовали большой раздел настоящей публикации. В своей совокупности они ярко характеризуют Рылеева как политического деятеля и декабристского поэта. Во вступительной заметке к этому разделу составитель его, Т. Г. Снытко, подверг критике тех буржуазных исследователей, которые клеветали на Рылеева, обвиняя его в «измене». Т. Г. Снытко доказывает, что Рылеев придерживался на допросах конспиративной тактики, осуществлявшейся им настойчиво и небезуспешно.

Мемуарная литература о Рылееве очень бедна; публикация «Литературного наследства» и в эту область вносит немало нового. Она содержит в себе прежде всего воспоминания о Рылееве, написанные его сослуживцем по конно-артиллерийской роте А. И. Косовским. Мемуары эти не свободны от ошибок, а иногда и от прямых искажений истины; однако те и другие нетрудно исправить. Вообще же воспоминания Косовского чрезвычайно интересны и дополняют наши скудные сведения о жизни Рылеева во времяграничных походах русской армии, в Литве и особенно вблизи Острогжска. Интересные сведения о Рылееве, о его петербургском быте, его знакомствах, литературных занятиях и пр. — содержатся также в публикуемых в этом разделе воспоминаниях рассыльного «Полярной звезды», Агапа Ивановича.

Публикация «Литературного наследства» завершается сообщениями на различные темы. Сообщение И. И. Игнатович касается роли, которую Рылеев сыграл в известном деле «разумовских крестьян». Опириуа дошедшими до нас документами уголовного следствия и суда, И. И. Игнатович показала, что в своих вступлениях по этому делу Рылеев стремился поставить вопрос о тяжести крепостнических «установлений», которые и заставили крестьян Разумовского «бунтовать» против своего владельца. Три сообщения Л. Н. Назаровой, Г. А. Рязанцева и автора этих строк посвящены неизвестному доселе историко-литературному замыслу Рылеева, выпискам из сочинений античных и западноевропейских авторов, обнаруженным в его архиве, а также характеристике библиотеки поэта-декабриста. Наша статья о принадлежности Рылееву стихов «На смерть Чернова» ставит своей целью обосновать авторство Рылеева, оспариваемое некоторыми из советских исследователей. Сообщение А. Осокина о песне «Подгуляла я» посвящено одной из наименее известных агитационных песен декабристов. Сообщение М. К. Константинова вводит в число приписываемых Рылееву произведений одну из рецензий на альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина». Сообщением Е. Г. Бушканца убедительно доказывается принадлежность стихотворения «По чувствам братья мы с тобой» перу А. Н. Плещеева (это послание в течение многих лет приписывалось Рылееву). На основании неопубликованных архивных материалов написана наша заметка о пребывании Рылеева в Петропавловской крепости. И, наконец, специальное сообщение Г. А. Рязанцева характеризует отношение к художественному творчеству Рылеева русской цензуры второй половины прошлого века.

* * *

Итак, из этого беглого перечня явствует, что публикация, посвященная Рылееву, охватывает многие стороны его политического и литературного наследия. Мы найдем здесь лирические стихотворения и думы, поэмы и драматические произведения²⁵, письма и деловые бумаги, показания Рылеева на следствии и воспоминания о нем его современников.

Весь этот материал представляет несомненную ценность для исследователей жизни и творчества Рылеева. В отдельных случаях они открывают в деятельности поэта-декабриста новые, доселе не известные стороны. Публикуемые тексты, исследовательские статьи и сообщения позволяют глубже понять идейно-художественные тенденции рылеевского творчества, полнее оценить значение его литературного наследства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы, естественно, не имеем здесь в виду Пушкина, поскольку он организационно не был связан ни с одним из тайных обществ.

² Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 348, 350.

³ Д. А. Кропотов. Несколько сведений о Рылееве. — «Русский вестник», 1869, № 3, стр. 229—245.

⁴ Н. П. Огарев. В память людям 14 декабря 1825 г. — Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1938, стр. 273.

⁵ А. Н. Сиротинин. К. Ф. Рылеев. Историко-литературный биографический очерк. — «Русский архив», 1890, № 6, стр. 113—208.

⁶ Н. А. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908, стр. 5, 73, 122.

⁷ Попытки изобразить Рылеева одиночкой и беспочвенным мечтателем, оторванным от русской жизни, делал не только Котляревский, но и воинствующий идеалист и буржуазный эстет Ю. И. Айхенвальд.

⁸ «Русский биографический словарь». Том Романов—Рясовский. Пг., 1918, стр. 688, 692.

⁹ В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки. Киев, 1916. — Эти дополнения были чисто библиографическими; принципиально Маслов остался на прежних позициях.

¹⁰ Из письма Рылеева между 14 и 26 марта 1825 г. — Рылеев. Соч., стр. 488.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 126.

¹² А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 22.

¹³ Герцен, т. XII, стр. 57.

¹⁴ Там же, т. VI, стр. 350.

¹⁵ Там же, т. VIII, стр. 161.

¹⁶ Там же, т. XXI, стр. 58.

¹⁷ «Былое», 1919, № 14, стр. 94.

¹⁸ А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове. — Сб. «А. И. Ульянов и дело 1-го марта 1887 г.», М.—Л., 1927, стр. 54.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 435.

²⁰ Маслов, стр. 26.

²¹ На обороте одного из этих автографов видна полустершаяся карандашная запись, сделанная рукою Ивановского. Это — черновик письма к Н. А. Полевому: «Читая постоянно около 8 лет Ваш „Телеграф“, я уверен, что в признательность непреложной любви моей к Вашему изданию, Вы поместите при сем посылаемую мною статью и тем удостоите иметь честь быть участником в составлении любимого издания. Чем гордись, пребуду Ваш покорный» (ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 278, л. 4). «Московский телеграф» начал выходить в 1825 г., следовательно, Ивановский написал это письмо в 1832 г. Не исключено, что он предлагал Полевому напечатать что-либо из находившихся в его распоряжении автографов Рылеева; ведь пятью годами ранее он уже опубликовал оду Рылеева «На смерть Байрона».

²² ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 1220, л. 29.

²³ «Вестник Европы», 1888, № 11, стр. 596.

²⁴ Бумаги из собрания Ивановского по своему содержанию связаны с автографами, опубликованными В. Е. Якушкиным в восьмидесятых годах. Так, в фондах ЦГИА мы находим фрагменты поэмы «Наливайко» и черновой вариант сатиры «Путь к счастью» (опубликованной в «Вестнике Европы», 1888, № 1) и т. д.

Возможно, что в архив Якушкиных кроме материалов Ивановского поступили также некоторые автографы из семейного архива дочери Рылеева А. К. Пушкиной (см. об этом ниже, стр. 48).

²⁵ В состав настоящей публикации не вошли прозаические отрывки Рылеева «Добрый господин» и «Сабатей Севи», хранящиеся в ЦГИА, в указанном выше фонде Якушкиных.

ОТ РЕДАКЦИИ

В публикации автографов Рылеева и писем к нему принимали участие:

Ю. Г. Оксман. Публикации и комментарии: «Ольга при могиле Игоря»; письмо Ф. В. Булгарину.

Н. И. Прокофьев. Публикации всех автографов, хранящихся в ЦГЛА.

Т. Г. Снытко. Публикации всех автографов, хранящихся в ЦГИА.

А. Г. Цейтлин. Публикации всех автографов, хранящихся в ИРЛИ, ЛБ, ЦГАДА.

Комментарии к автографам, хранящимся в ИРЛИ, ЛБ, ЦГАДА, ЦГИА, ЦГЛА, принадлежат А. Г. Цейтлину.